

Факел смерти. Две катастрофы, которых не знал мир

Источник: <http://nnm.me/blogs/lisrnd/fakel-smerti-dve-katastrofy-kotoryh-ne-znal-mir/>

lisrnd / вчера, 21:38 / [Здесь не работает кнопка бан.](#) / [Новости и политика](#) / [на индексе](#) / [источник](#) /

Две железнодорожные катастрофы, которые объединяет дата — 4 июня и разъединяет отрезок времени в один год. Ни одна из них так и не получила объяснений точной причины произошедшего.

Первая унесла жизни 91 человека, в том числе 17 детей. Ранения получили около 800 человек. Пострадало 1500 человек, 823 из них остались без крова. Во второй погибли 575 человек (по другим данным 645), 181 из них — дети, ранены более 600. Что же это было? Мы собрали в одной статье вероятные версии, возможные причины и свидетельства очевидцев. Как обычно это и бывало в СССР, руководством было сделано все, чтобы умолчать, перевернуть и запутать людей.

Арзамасская железнодорожная катастрофа

Уже почти три десятилетия прошло со дня арзамасской трагедии, когда почти в центре города по официальной версии взлетел на воздух состав со взрывчаткой, лишив жизни около ста человек, оставив без крова тысячи горожан. Арзамасцы выстояли, разрушения ликвидированы, дороги и дома восстановлены. Но из памяти очевидцев трагедии не

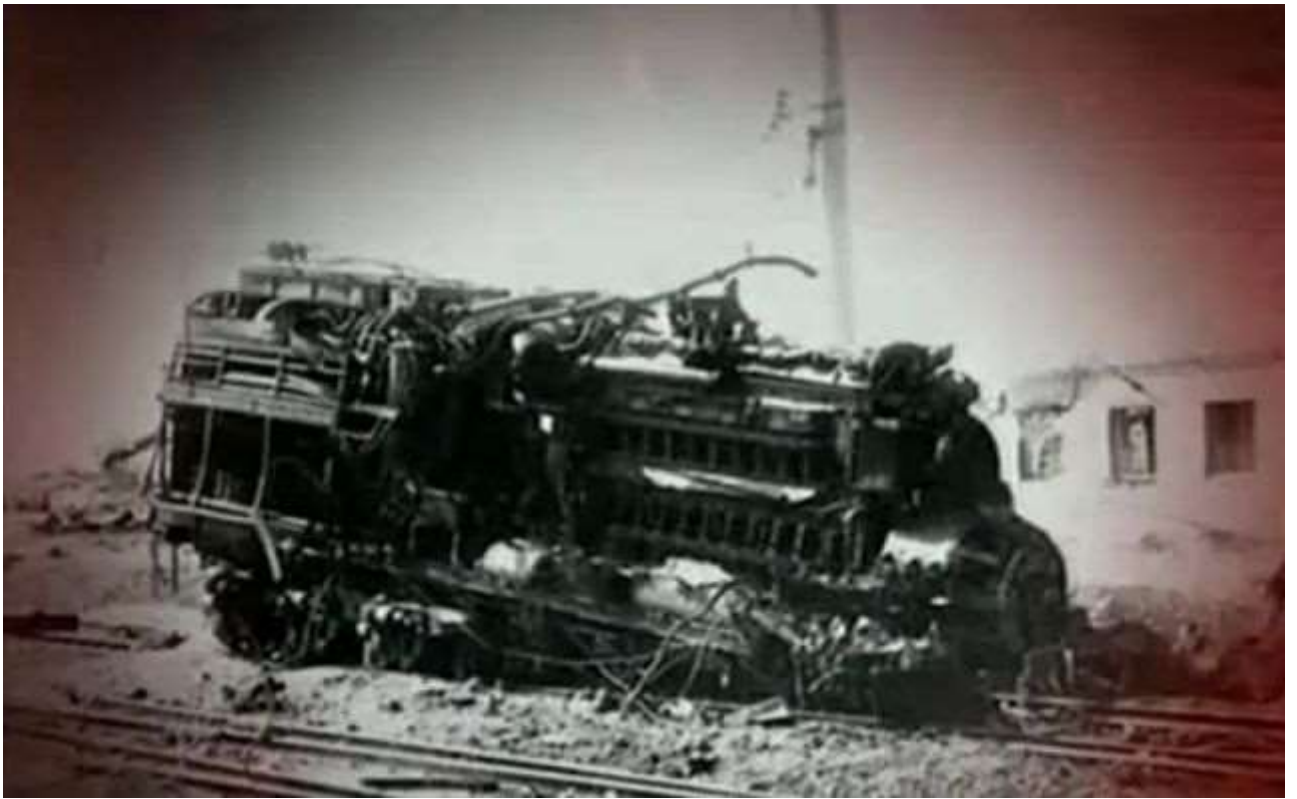
выбросишь ни одного мгновения того летнего дня.

Субботнее утро 4 июня 1988 года не предвещало ничего плохого. Было только жарко — температура зашкаливала за 40 градусов. Грузовой поезд через переезд шел с небольшой скоростью — 22 километра в час. И вдруг — мощнейший взрыв. На воздух взлетели три вагона, в которых находилось 120 тонн взрывчатых веществ, как тогда писали газеты, предназначенных для геологов, горняков и строителей.

Что послужило причиной взрыва — до сих пор не установлено. Были попытки возложить вину на железнодорожников: дескать, взрыв произошел на рельсах, значит, виноваты транспортники. Однако опытные эксперты это не подтвердили. Остались другие версии. В том числе самовозгорание взрывчатых веществ из-за нарушения правил погрузки, утечка газа из газопровода, проложенного под железнодорожными путями. По техническим условиям труба газопровода должна залегать под путями на глубине не менее пяти метров, а она оказалась уложенной всего лишь на глубине полутора метров.

Иван Скляр (потом ставший губернатором) тогда, в 1988 году, был председателем горисполкома Арзамаса, и именно на нем лежала ответственность за ликвидацию последствий взрыва. Он говорил, что трагедия прежде всего связана с политикой. Те, кто устранял последствия катастрофы, вспоминают, что жертв тогда могло быть куда больше. Об этом свидетельствуют два факта. Во-первых, за несколько минут до взрыва со станции отправился другой состав с боеприпасами. Во-вторых, на что все обращают внимание, в километре от переезда находилась нефтебаза. Произойди взрыв на три минуты позднее, было бы разрушено полгорода. Так о трагедии писали в те дни газеты.

Из официального: 4 июня 1988 года в 9.32 при подходе к станции Арзамас-1 грузового поезда, следовавшего из Дзержинска в Казахстан, произошел взрыв трех вагонов с 18 тоннами промышленных взрывчатых веществ, предназначенных для горных предприятий юга страны. Трагедия унесла жизни 91 человека, в том числе 17 детей. Ранения получили около 800 человек. Пострадало 1500 семей, 823 из них остались без крова. Было разрушено 250 метров железнодорожного полотна, железнодорожный вокзал и станционные постройки, близлежащие жилые дома. Получил серьезные повреждения газопровод, проходящий под полотном железной дороги. Вышли из строя электроподстанции, высоковольтная линия, распределительные сети, система водоснабжения. В пораженной зоне оказалось 160 промышленно-хозяйственных объектов. Разрушения различной степени получили две больницы, 49 детских садов, 69 магазинов, девять объектов культуры, 12 предприятий, пять складов и баз, 14 школ. Взрыв разрушил и повредил 954 жилых дома, из которых 180 не подлежали восстановлению.

Дети взрыва

В его эпицентре работали только сильные люди. 4 июня 1988 года арзамасцу Саше Суконкину было всего два месяца. В одночасье он потерял отца и мать. Остались они вдвоем с сестренкой на попечении бабушки, работавшей почтальоном. Одна мысль не покидала пожилую женщину: "Только бы вырастить внуков, только бы поставить их на ноги..." Вырастила, как говорят, очень хороших людей, Саша учится в вузе, его сестра тоже самостоятельный человек, у нее уже своя семья, в которой растет маленький ребенок.

Радует за них Мария Афанасьевна Шершакова. Теперь она на пенсии, а тогда, 20 лет назад, будучи заведующей отделом писем и жалоб городского комитета КПСС, оказалась в самом эпицентре людской боли и горя. Она соединяла бабушку с ее внуками. Она обнимала пятнадцатилетнюю девочку, которая все время твердила: "Позвоните, пожалуйста, в больницу, может, папа там..." И не решалась сказать ей, что папу надо искать в морге, уже было известно, что он, ехавший в машине с другими строителями в загородный детский лагерь, точно погиб. Мама девочки в это время лежала с сердечным приступом, пришлось вызывать из армии старшего брата, чтобы опознать отца... Она помогала воссоздаться семье Ямовых, потерявшей и взрослых, и детей...

Таких людей, как Мария Афанасьевна, в Арзамасе в трагический момент его истории оказалось немало. Стечением обстоятельств взрыв произошел в Арзамасе в 1988 году. Но от подобных техногенных катастроф мы не будем застрахованы, наверное, никогда. Больше того, с увеличением изношенности технического парка страны да и, что греха таить, с нашей безответственностью опасность только возрастает. Значит, надо напоминать о печальных событиях в российской истории, хотя жизнь все-таки торжествует...

Железнодорожная катастрофа под Уфой

<https://youtu.be/sdZdZVPcq20>

Крупнейшая в истории России и СССР железнодорожная катастрофа, произошедшая 4 июня 1989 года в Иглинском районе Башкирской АССР в 11 км от города Аша (Челябинская область) на перегоне Аша — Улу-Теляк. В момент встречного прохождения двух

пассажи́рских поездов № 211 «Новосибирск — Адлер» и № 212 «Адлер — Новосибирск» произошёл мощный взрыв. Погибли 575 человек (по другим данным 645), 181 из них — дети, ранены более 600.

Железнодорожная катастрофа, подобной которой не знал мир, произошла в Башкирии в ночь с 3 на 4 июня 1989 года. Скорые поезда №211 и №212 18 лет назад, не должны были встретиться на злополучном 1710-м километре, где на продуктопроводе произошла утечка газа. Поезд из Новосибирска опаздывал. Навстречу на всех парах мчался поезд №212 Адлер — Новосибирск.

Официальная версия звучит так. Погода стояла безветренная. Газ, вытекавший наверху, заполнил всю низину. машинист товарного поезда, незадолго до взрыва проследовавший 1710-й километр, передал по связи, что в этом месте сильная загазованность. Ему обещали разобраться...

На перегоне Аша — Улу-Теляк у Змеиной горки скорые почти разминулись, но раздался страшный взрыв, следом еще один. Пламенем заполнило все вокруг. Сам воздух стал пламенем. По инерции поезда выкатились из зоны интенсивного горения. Хвостовые вагоны обоих поездов выбросило из колеи. У прицепного “нулевого” вагона взрывной волной оторвало крышу, тех, кто лежал на верхних полках, — выбросило на насыпь.

Часы, найденные на пепелище, показывали 1.10 местного времени. Гигантскую вспышку видели за десятки километров. До сих пор загадка этой страшной катастрофы волнует и

астрологов, и ученых, и экспертов. Как получилось, что два опаздывавших поезда-близнеца Новосибирск-Адлер и Адлер-Новосибирск встретились в опасном месте, где дал течь продуктопровод? Почему возникла искра? Почему в пекло попали поезда, наиболее забытые людьми летом, а не, например, товарняки? И почему газ взорвался за километр от места утечки? До сих пор доподлинно не известно количество погибших – в вагонах в советские времена, когда на билетах не проставляли фамилий, могло быть огромное количество «зайцев», ехавших на благословенный юг и возвращавшихся обратно.

— В небо взметнулось пламя, стало светло, как днем, мы подумали, сбросили атомную бомбу, — говорит участковый Иглинского ОВД, житель поселка Красный Восход Анатолий Безруков. — Помчались к пожарищу на машинах, на тракторах. Техника на крутой склон подняться не могла. Стали карабкаться на косогор — кругом сосны стоят, как обгоревшие спички. Внизу увидели рваный металл, упавшие столбы, мачты электропередачи, куски тел... Одна женщина висела на березе со вспоротым животом. По склону из огненного месива полз, кашляя, старик. Сколько лет прошло, а он у меня так и стоит перед глазами. Тогда я увидел, что человек горит, как газ, синим пламенем.

В час ночи на подмогу сельчанам подоспели подростки, возвращавшиеся с дискотеки в селе Казаяк. Сами еще дети среди шипящего металла помогали наравне со взрослыми.

- Старались вынести детей в первую очередь, — рассказывает житель села Казаяк Рамиль Хабибуллин. – Взрослых просто оттаскивали от огня. А они стонут, плачут, просят укрыть чем-нибудь. А чем укроешь? С себя одежду снимали.

Раненые в шоковом состоянии расплзлись в буреломе, искали их по стонам и крикам. — Брали человека за руки, за ноги, а в руках оставалась его кожа... — рассказывал водитель “Урала” Виктор Титлин, житель поселка Красный Восход. — Всю ночь, до утра, возили пострадавших в больницу в Ашу.

Водитель на совхозном автобусе Марат Шарифуллин три рейса сделал, а потом кричать стал: “Не поеду больше, привожу одни трупы!” По дороге дети кричали, просили пить, обгоревшая кожа прилипла к сиденьям, многие не переживали дороги.

— Машины в гору не поднимались, приходилось раненых на себе выносить, — рассказывает житель поселка Красный Восход Марат Юсупов. — Несли на рубашках, одеялах, чехлах от сидений. Помню одного парня из поселка Майский, он, здоровый такой, человек тридцать вынес. Весь в крови, но не останавливался.

Три рейса на электровозе с ранеными людьми сделал Сергей Столяров. На станции Улу-Теляк он, машинист с двухмесячным стажем, пропустил 212-й скорый, отправился на товарняке вслед за ним. Через несколько километров увидел огромное пламя. Отцепив цистерны с нефтью, стал медленно подъезжать к опрокинутым вагонам. На насыпи змеями вились сорванные взрывной волной провода контактной сети. Забрав в кабину обожженных людей Столяров двинулся к разъезду, вернулся на место катастрофы уже с прицепленной платформой. Поднимал на руки детей, женщин, ставших беспомощными мужчин и грузил, грузил... Домой вернулся — рубашка колом стояла от запекшейся чужой крови.

— Пришла вся поселковая техника, везли на тракторах, — вспоминал председатель колхоза «Красный Восход» Сергей Космаков. — Раненых отправляли в сельский интернат, там их дети перевязывали...

Специализированная помощь пришла много позже — через полтора-два часа.

— В 1.45 на пульт поступил звонок, что под Улу-Теляком горит вагон, — рассказывает Михаил Калинин, старший врач смены «Скорой помощи» города Уфы. — Через десять минут уточнили: выгорел весь состав. Сняли с линии все дежурные машины «скорой помощи», оснастили их противогАЗами. Куда ехать — никто не знал, Улу-Теляк в 90 км от Уфы. Машины шли просто на факел...

— Вышли из машины на пепелище, первое, что видим, — кукла и оторванная нога... — рассказывал врач «Скорой помощи» Валерий Дмитриев. — Сколько пришлось обезболивающих уколов сделать — уму не постижимо. Когда с ранеными ребятами тронулись в путь, ко мне подбежала женщина с девочкой на руках: «Доктор, возьмите. У малышки погибли и мать, и отец». Мест в машине не было, я посадил девочку к себе на колени. Она была закутана по самый подбородок в простынку, головка ее была вся обожжена, волосики свернулись в запекшиеся кольца — как у барашка, и пахла она, как жареный барашек... До сих пор этой девчушки забыть не могу. По дороге она рассказала мне, что зовут ее Жанна, и что ей три года. У меня тогда дочке было столько же лет.

Жанну, которую вывозил из зоны поражения врач «Скорой помощи» Валерий Дмитриев, мы нашли. В книге памяти. Ахмадеевой Жанне Флоридовне 1986 года рождения не суждено было стать невестой. В трехлетнем возрасте она умерла в Детской республиканской больнице Уфы. Деревья валило, как в вакууме. На месте трагедии остро пахло трупным запахом. Вагоны,

почему-то ржавого цвета, лежали в нескольких метрах от путей, сплюсненные и изогнутые. Даже трудно представить, какая температура могла заставить так извиваться железо. Удивительно, что в этом пожаре, на земле, превратившейся в кокс, там где вырывались с корнем электроопоры и шпалы, еще могли остаться живы люди!

— Военные потом определили: мощность взрыва составила 20 мегатонн, что соответствует половине атомной бомбы, которую американцы сбросили на Хиросиму, — рассказывал председатель сельского совета “Красный восход” Сергей Космаков.

— Мы прибежали на место взрыва — деревья падали, как в вакууме, — в центр взрыва. Ударная волна была такой силы, что в радиусе 12 километров во всех домах выбило стекла. Куски от вагонов мы находили на расстоянии шести километров от эпицентра взрыва.

— Больных привозили на самосвалах, на грузовиках вповалку: живых, в беспамятстве, уже мертвых... — вспоминает врач-реаниматолог Владислав Загребенко. — Грузили в темноте. Сортировали по принципу военной медицины. Тяжело раненных — со ста процентами ожогов — на траву. Тут уже не до обезболивания, это закон: если одному будешь помогать, то потеряешь двадцать. Когда в больнице пошли по этажам, ощущение было, что мы на войне. В палатах, в коридорах, в холле лежали черные люди с сильнейшими ожогами. Я такого никогда не видел, хоть и работал в реанимации.

В Челябинске в злополучный поезд сели ребята из 107-й школы, отправлявшиеся в Молдавию, работать в трудовом лагере на виноградниках. Интересно, что завуч школы Татьяна Викторовна Филатова, еще до отправки побежала к начальнику вокзала убеждать, что по технике безопасности вагон с детьми должны поставить в начало состава. Не убедила... Их “нулевой” вагон прицепили в самый конец.

— Утром мы узнали, что от нашего прицепного вагона осталась одна платформа, — говорит директор 107-й школы Челябинска Ирина Константинова. — Из 54 человек выжили 9. Завуч — Татьяна Викторовна лежала на нижней полке со своим 5-летним сыном. Так и погибли вдвоем. Не нашли ни нашего военрука Юрия Герасимовича Тулупова, ни любимую учительницу ребят Ирину Михайловну Стрельникову. Одного старшеклассника опознали только по часам, другого по сеточке, в которую родители положили продукты ему в дорогу.

— Сердце защемило, когда прибыл поезд с родственниками пострадавших, — говорил Анатолий Безруков.

— Они всматривались с надеждой в смятые, как бумажки, вагоны. Пожилые женщины ползали с целлофановыми пакетами в руках, надеясь найти хоть что-то оставшееся от своих родных.

После того, как раненных увезли обгоревшие и искореженные куски тел – руки, ноги, плечи собирали по всему лесу, снимали с деревьев и складывали на носилки. К вечеру, когда подошли рефрижераторы, таких носилок, заполненных человеческими останками, набралось около 20. Но и вечером солдаты гражданской обороны продолжали резаками извлекать из вагонов вплавленные в железо остатки плоти. В отдельную кучу складывали вещи, найденные в округе – детские игрушки и книжки, сумки и чемоданы, кофточки и брюки, почему-то целые и невредимые, даже не опаленные.

Салават Абдулин, отец погибшей старшеклассницы Ирины, нашел на пепелище ее заколку для волос, которую сам отремонтировал перед поездкой, ее рубашку.

— В списках живых дочери не было, — будет вспоминать он позже. — Три дня мы искали ее в больницах. Никаких следов. А потом пошли с женой по холодильникам... Была там одна девочка. По возрасту похожа на нашу дочь. Головы не было. Черная, как сковородка. Думал, по ногам узнаю, она у меня танцевала, балерина была, но ног тоже не было...

А в Уфе, Челябинске, Новосибирске, Самаре срочно освобождались места в стационарах. Чтобы вывести раненых из больниц Аши и Иглино в Уфу, задействовали вертолетное училище. Машины садилась в центре города в парке Гафури за цирком — это место в Уфе и по сей день называют “вертолетной площадкой”. Машины взлетали каждые три минуты. К 11 утра все пострадавшие были доставлены в городские больницы.

— Первый больной поступил к нам в 6 часов 58 минут, — рассказывал заведующий ожоговым центром города Уфы Радик Медыхатович Зинатуллин. — С восьми утра до обеда — пошел массовый поток пострадавших. Ожоги были глубокие, практически у всех — ожоги верхних дыхательных путей. У половины пострадавших было обожжено более 70% тела. Наш центр только открылся, в запасе было достаточно и антибиотиков, и препаратов крови, и фибриновой пленки, которую накладывают на обожженную поверхность. К обеду приехали бригады врачей из Ленинграда и Москвы.

Среди пострадавших было много детей. Помню, у одного мальчика было две матери, каждая из которых была уверена, что на кровати — ее сыночек... На одного ребенка претендовали сразу две матери.

В штабах в эти дни царила невыносимая обстановка. Женщины цеплялись за малейшую надежду и подолгу не отходили от списков, там же падая в обморок. Прибывшие из Днепропетровска на второй день после трагедии отец и молодая девчонка в отличие от других родственников, светились счастьем. Они приехали к сыну и мужу, в молодой семье — двое малышей.

— Нам не нужны списки, — отмахиваются. — Мы знаем, что он выжил. В «Правде» написали на первой странице, он детей спасал. Знаем, что лежит в 21-й больнице.

Действительно, молодой офицер Андрей Донцов, возвращавшийся домой, прославился, когда вытаскивал из горящих вагонов детей. Но в публикации было указано, что у героя – 98% ожогов. Жена и отец переминаются с ноги на ногу, им хочется быстрее покинуть скорбный штаб, где рыдают люди.

— Забирайте, в морге, — сообщает телефон 21-й больницы.

Надя Шугаева, доярка из Новосибирской области вдруг начинает истерически смеяться.
— Нашла, нашла!

Пытаются вымученно улыбнуться сопровождающие. Нашла отца и брата, сестру и малолетнего племянника. Нашла... в списках погибших.

За катастрофу ответили стрелочники. Когда ветер еще носил пепел заживо сгоревших, к месту катастрофы пригнали мощнейшую технику. Опасаясь эпидемии из-за незахороненных фрагментов тел, размазанных по земле и начавших разлагаться, выжженную низину в 200 гектаров поспешили сровнять с землей. За смерть людей, за страшные ожоги и увечья которые получили более тысячи человек ответили строители.

С самого начала следствие вышло на очень важные персоны: на руководителей отраслевого проектного института, утвердивших проект с нарушениями. Было предъявлено обвинение и заместителю министра нефтяной промышленности Донгаряну, который своим указанием ввиду экономии средств отменил телеметрию — приборы, которые контролируют работу всей магистрали. Был вертолет, который облетал всю трассу, его отменили, был линейный обходчик — убрали и обходчика.

26 декабря 1992 года состоялся суд. Выяснилось, что утечка газа из путепровода произошла из-за трещины, нанесенной ему за четыре года до катастрофы, в октябре 1985 года, ковшом экскаватора при строительных работах. Продуктопровод был засыпан с механическими повреждениями. Дело отправили на дорасследование. Шесть лет спустя Верховный суд Башкирии вынес приговор – всем подсудимым по два года в колонии-поселении. На скамье подсудимых оказались начальник участка, прораб, мастера, строители. “Стрелочники”.

В 1989-м такой структуры как МЧС не существовало. Машинописные списки погибших, умерших и выживших в штабах обновлялись ежечасно(!), хотя никаких компьютеров не существовало, а свыше тысячи пострадавших были разбросаны по всем больницам республики. Смерть от ожогов наступает через несколько дней, и в клиниках в первую неделю после трагедии начался настоящий мор. Мать могла позвонить из аэропорта и получить сведения о том, что ее сынок жив, а, доехав до штаба обнаружить фамилию уже в списках умерших. Необходимо было не только зафиксировать смерть человека, который часто не мог назвать даже своего имени, но и организовать отправку гроба на родину, выяснив все данные погибшего.

Между тем, в аэропорту Уфы приземлялись самолеты со всех концов тогда огромной страны с родственниками пострадавших, их требовалось где-то размещать и отпаивать валерьянкой. Несчастливыми родителями, искавших своих детей в морге по несколько суток, были заполнены все окрестные санатории. Тех, кому «повезло» больше и родственники были опознаны, на вокзалах встречали медики и уже через несколько часов они улетали в родной город на специально для них организованном самолете.

Самую тяжелую работу взяли на себя воины-интернационалисты. Афганцы вызвались помогать спецслужбам там, где не выдерживали даже выдавшие всякое врачи. Трупы погибших не помещались в уфимском морге на Цветочной и человеческие останки складировались в машинах рефрижераторах. Учитывая, что на улице стояла невозможная жара, запах вокруг импровизированных ледников был невыносимый, а мухи слетались со всей округи. Эта работа требовала от добровольцев выносливости и физической силы, все прибывавших погибших требовалось размещать на спешно сколоченных полках, навешивать бирки, сортировать. Многие не выдерживали, содрогаясь в рвотных судорогах.

Родственники, обезумевшие от горя, искавшие своих детей, ничего вокруг не замечали, пристально вглядываясь в обугленные фрагменты тел. Мамы и папы, бабушки и дедушки, тети и дяди, вели дикие диалоги:

— Это не наша Леночка? – говорили они, столпившись вокруг черного куска мяса.

— Нет, у нашей Леночки на ручках складочки были...

Как родители умудрялись опознать родное тело, для окружающих оставалось загадкой.

Для того, чтобы не травмировать родственников и уберечь их от посещения морга, в штабы привезли страшные фотоальбомы, разместив на страницах снимки с разных ракурсов фрагментов неопознанных тел. В этом ужасном сборнике смерти имелись страницы со штампом – «опознаны». Однако многие все-таки ехали в рефрижераторы, надеясь, что

фотографии лгут. И на парней, недавно пришедших с настоящей войны, обрушивались страдания, которых они не видали, воюя с душманами. Зачастую парни оказывали первую медицинскую помощь тем, кто падал в обморок и оказывался на грани безумия от горя, или с бесстрастными лицами помогали переворачивать родным обугленные тела.

- Мертвых не оживишь, отчаяние пришло, когда начали прибывать живые, — говорили потом афганцы, рассказывая о самых тяжелых переживаниях. Были и курьезные случаи.

— Утром в сельсовет пришел мужчина с новосибирского поезда, с портфелем, в костюме, в галстуке — ни одной царапинки, — рассказывал участковый Анатолий Безруков. — А как выбрался из вспыхнувшего поезда — не помнит. Ночь в лесу в беспомощности проплутал. Являлись отставшие от поезда и в штабы.

— Ищите меня? — поинтересовался парень, заглянувший в скорбное место на железнодорожном вокзале.

— Зачем нам вас искать? — удивились там, но заученно заглянули в списки.

- Есть! — обрадовался молодой человек, найдя свою фамилию в столбике пропавших без вести. Александр Кузнецов загулял за несколько часов до трагедии. Вышел пива попить, а как ушел злополучный поезд не помнит. Провел на полустанке сутки, и лишь отрезвев, узнал о случившемся. Добрался до Уфы, сообщить, что живой. Мама юноши в это время методично обходила морги, мечтая найти хоть что-то от сыночка, чтобы похоронить. Домой мать и сын уехали вместе.

Солдатам, работавшим на путях, выдавали по 100 граммов спирта. Трудно представить сколько им пришлось перелопатить металла и обгоревшей человеческой плоти. 11 вагонов было сброшено с пути, 7 из них полностью сгорело. Люди работали ожесточенно, не обращая внимания на жару, зловоние и витающий в этом клейком сиропе почти физический ужас смерти.

- Ты что, ох...ел? — кричит молодой солдатик с автогенном пожилому мужчине в форме. Генерал-полковник ГО осторожно поднимает ногу с человеческой челюсти.

- Извините, — растерянно бормочет он и скрывается в штабе, находящемся в ближайшей палатке.

В это эпизоде все противоречивые эмоции, которые испытывали присутствующие: и злость на человеческую слабость перед стихией, и смущение — тихую радость, что собирают не их останки и ужас, перемешанный с отупением — когда смерти очень много — она уже не вызывает бурного отчаяния.

Челябинск потерял хоккейную надежду. Сто седьмая школа Челябинска потеряла под Уфой 45 человек, спортивный клуб «Трактор» — юношескую команду хоккеистов, двукратных чемпионов страны. Лишь вратарь Боря Тортунов вынужден был остаться дома: бабушка сломала руку.

Из десяти хоккеистов — чемпионов Союза среди сборных регионов — выжил лишь один Александр Сычев, впоследствии игравший за клуб «Мечел». Гордость команды — нападающего Артема Масалова, защитников Сережу Генергарда, Андрея Кулаженкина, вратаря Олега Девятова вообще не нашли. Дольше всех из обожженных ребят, пять дней, прожил самый младший из хоккейной команды — Андрей Шевченко. 15 июня он отметил бы свое шестнадцатилетие.

— Мы с мужем успели его увидеть, — рассказывает мама Андрея Наталья Антоновна. — Нашли его по спискам в реанимации 21-й больницы Уфы. — Он лежал, как мумия, — весь в бинтах, лицо серо-коричневое, шея вся распухшая. В самолете, когда мы его везли в Москву, он все спрашивал: «Где ребята?»

Клуб «Трактор» через год после трагедии организовал турнир, посвященный памяти погибших хоккеистов, который стал традиционным. Вратарь погибшей команды «Трактор-73»

Борис Тортунов, оставшийся тогда из-за бабушки дома, стал двукратным чемпионом страны и Кубка Европы. По его инициативе воспитанники школы “Трактор” собрали деньги на призы участникам турнира, которые по традиции вручают матери и отцы погибших ребят.

575 (по другим данным 645) человек погибли, 657 получили ожоги и травмы. Тела и прах заживо сгоревших увезли в 45 областей России и 9 республик бывшего Союза.

[СССР](#), [железнодорожные катастрофы](#), [под Уфой](#), [Арзамас](#), [история](#), [4 июня](#)